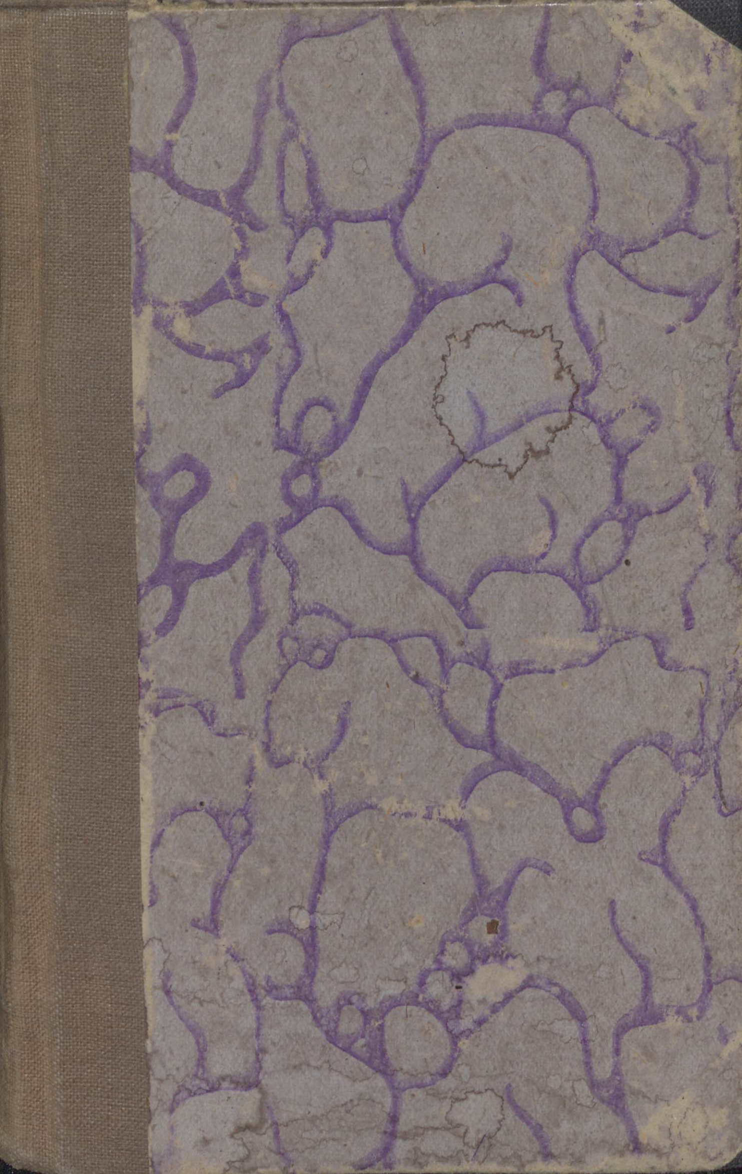

ВАДИНЫ СКАЗКИ, БѢЛОЙ и ЧЕРНОЙ,

ЖАННОТЪ и КОЛИНЪ,

и

о праздникахъ Французскихъ.

Сочиненіе Г. Волтера.

Перевелъ съ французскаго

М. П.

ВЪ Санктпетербургѣ
1771 года.

БѢЛОЙ и ЧЕРНОЙ.

ВСѢ люди, въ провинціи Кандагарской, вѣдаютъ о приключеніи младаго Рустана. Онъ былъ единородный сынъ Мурзы тоя страны; такъ какъ бы Маркизъ у Французовъ, или Баронъ у Нѣмцовъ. Мурза отецъ его имѣлъ у себя изрядное имѣніе. Приготовлялись женить младаго Рустана на дѣвушкѣ такогожъ рода, какъ и онъ. Оба ихъ дома желали того страстно. Онъ долженствовалъ быть утѣшеніемъ своимъ родителямъ, сдѣлать счастливою свою жену, и быть благополучнымъ съ нею.

Но по несчастію онъ увидѣлъ Кашемирскую Княжну на Ка-

бульской ярмонкѣ, которая знатнѣйшая есть во свѣтѣ, и несравненно многолюднѣйшая нежели Бассорская и Астраханская; и вотъ длячего старой Кашемирской Князь пріѣхалъ на сію ярмонку съ своею дочерью.

Изъ сокровища его пропали двѣ наирѣдкія вещи; одна изъ нихъ была большой алмазъ въ полвершка, на коемъ вырѣзана была его дочь помощію того искусства, коимъ обладали тогда Индіяне, и которое потомъ погибло. Другая вещь была дротикъ, который самъ туда леталъ, куда хотѣли; что между нами не весьма чрезвычайно, но таково сіе было въ Кашемирѣ.

Нѣкоторой Факиръ его свѣтлости укралъ у него сіи двѣ драгоцѣнности; онъ ихъ принесъ къ Княжнѣ. Храни со тщаніемъ сіи двѣ вещи, сказалъ онъ ей, твоя судьба отъ нихъ зависитъ. Послѣ чего онъ поѣхалъ, и больше его уже не видали. Кашемирскій

Ханъ

Ханъ въ отчаяніи своемъ положилъ ѣхать на Кабульскую ярмонку, не найдетъ ли у котораго нибудь изъ купцовъ, собиравшихся на оную отъ всѣхъ четырехъ концовъ свѣта, своего алмаза и оружія. Онъ возилъ дочь свою во всѣ свои путешествія. Она хранила свой алмазъ весьма крѣпко зашитой въ своемъ поясѣ; а дротикъ, коего не могла толь удобно спрятать, заперла со тщаніемъ въ Кашемирѣ въ большой свой Китайской сундукъ.

Рустанъ и она увидѣлись въ Кабулѣ; они полюбили другъ друга со всею искренностію ихъ возраста, и со всѣю нѣжностію ихъ земли. Княжна въ залогъ своей любви отдала ему свой алмазъ, а Рустанъ обѣщалъ ей при своемъ отъѣздѣ поѣхать въ Кашемиръ увидѣться съ нею тайно.

Молодой Мурза имѣлъ у себя двухъ любимцевъ, которые слу-

жили ему секретарями, конюшими, приспѣшниками, и прислужниками. Одинъ назывался Топазъ; онъ былъ пригожъ, статенъ, бѣлъ какъ Черкешенинъ, кротокъ и услужливъ какъ Армянинъ, благоразуменъ какъ Гебръ. Другой именовался Ибенъ; сей былъ весьма прекрасный Арапъ, проворнѣйшiй и хитрѣйшiй Топаза, и для котораго ничего не было труднаго. Онъ имъ сообщилъ намѣренiе о своемъ путешествiи. Топазъ старался его отъ того отвратить со всѣю ревностiю обстоятельнаго служителя, который не хочетъ впасть въ немилость; онъ ему представилъ все то, на что онъ отваживаетси. Какъ оставить два дома въ отчаянiи? и какъ вонзить ножъ въ сердце своихъ родителей? Онъ поколебалъ Рустана; но Ибенъ ободрилъ его паки, и разрушилъ всѣ его сомнѣнiя.

У младаго Мурзы недоставало денегъ для столь длиннаго

пути.

пути. Благоразумный Топазъ не могъ ему оныхъ достать; Ибенъ въ томъ успѣлъ. Онъ унесъ алмазъ у своего господина, велѣлъ на подобіе онаго сдѣлать поддѣльной, и положилъ его на то мѣсто, а настоящей отдалъ въ закладъ нѣкоторому Армянину, въ нѣсколькихъ тысячахъ Рупій.

Когда Мурза получилъ свои Рупіи, то все было готово для отъѣзда. Запасы навьючили на слона, а сами сѣли на лошадей. Топазъ сказалъ своему господину, я принялъ вольность сдѣлать вамъ разсмотрѣнія на ваше предпріятіе; но по учиненіи того надлежало повиноваться; я вамъ послѣдую, я васъ люблю, и поѣду съ вами на самый край свѣта; но спросимъ на пути совѣта у прорицалища, которое не болѣе двухъ Парасангъ отсюду. Рустанъ на то согласился. Прорицалище отвѣтствовало: *Ежели ты поѣдешъ на востокъ, то будешъ на западѣ.* Рустанъ ничего

го не понялъ изъ сего отвѣта. Топазъ утверждалъ, что оный ничего добраго не содержитъ. Ибенъ, завсегда угождающъ, увѣрилъ его, что онъ былъ весьма благопріятенъ.

Находилось еще другое прорицалище въ Кабулѣ; они и туда поѣхали. Кабульское пророчество отвѣтствовало сими словами: *Ежели ты владѣешъ, то не будешъ владѣть; естьли ты побѣдитель, то не побѣдишъ; ежели ты Рустанъ, то не будешъ имъ.* Сіе прорицаніе показалося и перваго непонятнѣе. Берегитесь, сказалъ Топазъ: не бойтесь ничего, говорилъ Ибенъ; и сей служитель, какъ то можно вѣрить, имѣлъ всегда верхъ у своего господина, коего ободрялъ онъ страсть и надежду.

По выѣздѣ изъ Кабула, поѣхали сквозь пространный лѣсъ, сѣли въ ономъ на траву отобѣдать, а коней пустили пастися. Приготовлялись развьючить

слона,

слона, на коемъ находился обѣдъ и другїе припасы, когда увидѣли, что Топаза и Ибена не было больше въ маломъ ихъ караванѣ. Кличутъ ихъ; лѣсъ отзывается именами Эбена и Топаза. Слуги ищутъ ихъ по всѣмъ сторонамъ, и наполняютъ лѣсъ своими воплями; они возвратились ничего не увидя, и не услыша никакого отвѣта. Мы ничего не сыскали, сказали они Рустану, кромѣ коршуна бьющагося съ орломъ, и который выщипалъ ему всѣ перья. Повѣствованїе сего сраженїя возбудило любопытство въ Рустанѣ; онъ пошелъ пѣшкомъ на то мѣсто; онъ не нашолъ тамъ ни коршуна ни орла, а увидѣлъ своего слона, навьюченнаго еще всѣми его запасами, и на коего нападалъ превеликїй носорогъ. Одинъ поражалъ своимъ рогомъ, а другой своимъ хоботомъ. Носорогъ оставилъ добычу увидѣвъ Рустана; слона его привели назадъ, но лошадей больше

ше не нашли. Странныя вещи приключаются въ лѣсахъ, когда путешествуешъ, вскричалъ Рустанъ. Слуги были перепужаны, а господинъ въ отчаянїи потерявъ вдругъ своихъ лошадей, любезнаго своего Арапа, и благоразумнаго Топаза, къ коему онъ завсегда имѣлъ дружбу, хотя никогда не былъ его мнѣнїя.

Надежда быть вскорѣ у ногъ прекрасной Княжны Кашемирской его утѣшала, когда онъ встрѣтилъ большаго полосатаго осла, коего ражїй и страшный скаредъ ломилъ изо всей силы палкой. Ничего нѣтъ пригожѣе, диковиннѣе, и легче въ бѣганье сего рода ословъ. Сей отвѣтствовалъ на удвояемые удары отъ мерзавца брыканьемъ, удобнымъ искоренить дубъ. Молодой Мурза взялъ, какъ и надлежало, сторону ослову, который былъ тварь прекрасная. Мужичина побѣжалъ крича ослу, ты мнѣ за сто заплатишъ. Оселъ поблаго-

дарилъ

дарилъ своему избавителю на своемъ языкѣ, подошелъ къ нему, далъ себя приласкать, и приласкался самъ. Рустанъ отобѣдавъ сѣлъ на него, и направилъ путь къ Кашемиру, послѣдуемъ своими служителями, изъ коихъ одни шли пѣшкомъ, а другїе ѣхали на слонѣ.

Но едва сѣлъ онъ на своего осла, какъ сїе животное и поворотило къ Кабулу, вмѣсто чтобъ слѣдовать по Кашемирской дорогѣ. Сѣдокъ его какъ ни старался поворачивать за узду, подергивать, жать колѣнками, толкать шпорами, понукать уздой, тянуть къ себѣ, хлестать на право и на лѣво, но упрямая животина все бѣжала къ Кабулу.

Рустанъ потѣлъ, мѣтался, приходилъ въ отчаянїе, какъ встрѣтился съ нимъ купецъ съ верблюдами, и сказалъ ему: Баринъ, у тебя весьма скаредной оселъ, который везетъ тебя туда, куда ты не хочешъ; ежели изво-

лишъ ево мнѣ уступить, такъ я тебѣ дамъ четырехъ изъ моихъ верблюдовъ на выборъ. Рустанъ возблагодарилъ Провидѣнію за доставленіе ему толь хорошей мѣны. Топазъ очень неправъ, сказалъ онъ, говоря мнѣ, что путь мой будетъ несчастливъ. Онъ садится на лучшаго верблюда, другіе три послѣдуютъ, соединяется съ своимъ караваномъ, и видитъ себя на пути своего благополучія.

Едва отъѣхалъ онъ четыре Парасанги, какъ былъ остановленъ широкимъ, быстрымъ и глубокимъ источникомъ, который бѣжалъ по каменьямъ бѣлѣющимъ отъ пѣны. Оба береги были ужасныя стремнины, помрачающія взоръ, и охлаждающія бодрость; ни какого не было средства переправиться, и переѣхать ни вправѣ ни влѣвѣ. Я начинаю бояться, сказалъ Рустанъ, что чуть ли Топазъ не правильно порицалъ мое путешествіе, и чуть

ли

ли я не виноватъ предпріявъ оное; и хотябъ уже онъ здѣсь былъ, такъ могъ бы мнѣ подать какой нибудь доброй совѣтъ. А естьли бы находился при мнѣ Ибенъ, то бы меня утѣшилъ, и пріискалъ мнѣ какое средство; но теперь всего я лишенъ. Затрудненіе его было умножено устрашеніемъ его людей: ночь была весьма темна, всю ее провели въ жалобахъ. На конецъ, усталость и уныніе усыпили влюбленаго путешественника. Онъ пробудился со свѣтомъ вдругъ, и увидѣлъ прекрасный мраморный мостъ воздвигнутый на источникѣ съ одного края до другаго.

Тутъ начались восклицанія, вопли удивленія и радости. Возможноель дѣло? Не сонъ ли это? Едакое чудо! Едакое обвороженіе! Можноль полно перейти? Вся стая бросилась на колѣни, встала, пошла по мосту, цѣловала землю, взирала на небо, про-

стирала руки, постановляла ногу трепеща, шла, возвращалась, была въ изумленіи, и Рустанъ говорилъ; Небо мнѣ въ етотъ разъ пособляетъ: Топазъ самъ незналъ что говорилъ; прорицанія были въ мою пользу; Ибенъ справедливъ; но длячево нѣтъ его здѣсь!

Едва караванъ сталъ на другой сторонѣ источника, какъ вдругъ мостъ и провалился въ воду съ ужаснымъ трескомъ. Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! вскричалъ Рустанъ, слава Богу, благодарю Небо! Оно не хочетъ, чтобъ я возвратился въ мою землю, гдѣ я былъ только что малинькій Князёкъ; оно хочетъ чтобъ я женился на той, ково я люблю. Я буду Государь Кашемирскій; и такимъ то образомъ *владѣя* моею любовницею *не буду я владѣть* малинькимъ моимъ Кандагарскимъ Княжествомъ. *Я буду Рустанъ, и не буду имъ*, потому что сдѣлаюсь великимъ Государемъ: вотъ большая часть прорицанія

рицанія и истолкована чисто въ мою пользу, досталь истолкуется подробно: я очень счастливъ; но длячего нѣтъ при мнѣ Ибена ! Я о немъ сожалѣю тысячу разъ больше нежели о Топазѣ.

Онъ подвинулся еще нѣсколько Парасангъ съ превеличайшимъ веселіемъ; но на исходѣ дня рядъ горъ, крутѣйшихъ самыхъ утѣсовъ, и высочайшихъ самой Вавилонской башни, когдабъ она была окончана, остановили совсѣмъ караванъ объятый страхомъ.

Всѣ люди вскричали, Богъ хочетъ, чтобъ мы здѣсь погибли; онъ и мостъ разбилъ для того только, чтобъ отнять у насъ всю надежду къ возвращенію; и воздвигъ сіи горы, чтобъ лишить насъ всякаго средства впередъ податься. О Рустанъ! О несчастный Мурза! Никогда не увидимъ мы Кашемира, ни коли не возвратимся въ землю Кандагарскую.

Наиострѣйшая болѣзнь, наитягчайшее унынїе вступили въ душу Рустанову на мѣсто непомѣрной радости, какую онъ чувствовалъ при надеждахъ, которыми былъ упоенъ. Не перетолковывалъ ужъ онъ больше пророчествъ въ свою пользу. О Небо! О Боже отцевъ моихъ! Надлежалоль мнѣ потерять друга моего Топаза?

Когда произносилъ онъ сїи слова производя тяжкїе вздохи, и проливая слезы по средѣ отчаянныхъ своихъ послѣдователей; вдругъ подошва горъ разтворяется, долгїя сводомъ сѣни, освѣщенныя тьмами пламенниковъ, представляются ослѣпленнымъ глазамъ; Рустанъ вскрикиваетъ, люди его бросаются на колѣни, падаютъ отъ удивленїя назадъ, вопятъ чудо! кричатъ что Рустанъ любимецъ Витсну, возлюбленникъ Браминъ, онъ будетъ владыка всего свѣта. Рустанъ тому повѣрилъ, онъ былъ внѣ себя, и

возвели-

возвеличенъ превыше самого себя. Ахъ! Ибенъ, любезный мой Ибенъ! Гдѣ ты! Длячего ты не свидѣтель всѣхъ сихъ чудесъ? Какъ ты у меня погибъ? Прекрасная Кашемирская Княжна! когда увижу я твои прелести?

Онъ слѣдуетъ съ своими служителями, его слонъ и верблюды, подъ сводъ горы, при концѣ коея вступаетъ онъ на лугъ испещренной цвѣтками, и окруженной ручьями; а при концѣ луга являются древесные накрывы недосязаемые оку; а при концѣ сихъ накрывовъ рѣка, по берегамъ коея тьма увеселительныхъ домовъ съ прелестными садами. Онъ слышитъ повсюду хоры голосовъ и инструментовъ; видитъ пляски; спѣшитъ переѣхать по мосту рѣки спрашиваетъ уперваго встрѣтившагося съ нимъ, какъ называется сія прекрасная страна?

Сей, у коего онъ спросилъ, отвѣтствовалъ ему, вы въ провинціи

винцїи Кашемирской; вы видите жителей въ радости и утѣхахъ; мы празнуемъ бракъ нашей прекрасной Княжны, которая вскорѣ выдетъ за господина Барбабу, которому отецъ ея обѣщалъ ее; да продолжитъ Небо ихъ благополучїе! При сихъ словахъ Рустанъ палъ въ обморокъ, а господинъ Кашемирянинъ думалъ, что онъ одержимъ падучею болѣзнїю; онъ приказалъ отнести его въ свой домъ, въ коемъ пробылъ онъ весьма долго безъ чувства. Привели къ нему двухъ самыхъ искуснѣйшихъ врачей того околотка. Они пощупали пулсъ у больнаго, который пришелъ нѣсколько въ память, произносилъ вздохи, поворачивалъ глазами, и вскрикивалъ отъ времени до времени, Топазъ, Топазъ, ты правду говорилъ!

Одинъ изъ двухъ врачей сказалъ господину Кашемирянину, по словамъ его я познаю, что сей молодецъ изъ Кандагара,

и воздухѣ сей для него негодится; надобно его отослать назадъ; я вижу по его глазамъ, что онъ сдѣлался дуракъ; поручи его мнѣ, я его отвезу въ его отечество, и тамъ вылѣчу. Другой врачь увѣрялъ, что онъ болѣнъ отъ одной только печали, и что надлежитъ его повесть къ Княжнѣ на свадьбу, и заставить тамъ плясать. Межъ тѣмъ какъ они совѣтовали, больной пришелъ въ прежнія свои силы; врачи были отпущены, и Рустанъ остался наединѣ съ своимъ хозяиномъ.

Государь мой, сказалъ онъ ему, прошу мнѣ простить, что я упалъ передъ вами въ обморокъ; я вѣдаю, что ето неучтиво; и прошу благоволить принять моего слона въ знакъ благодарности за ваши милости ко мнѣ. Онъ ему разсказалъ потомъ всѣ свои приключенія, остерегаясь притомъ обьявить ему о предметѣ своего путешествія. Но ради

имени

имени Вишну и Брамы, сказалъ онъ ему, увѣдомь меня, кто таковъ сей счастливый Барбабу, которой женится на Княжнѣ Кашемирской, длячего ея отецъ избралъ его себѣ зятемъ, и для чего Княжна приняла его себѣ супругомъ?

Государь, отвѣчалъ ему Кашемирянинъ, Княжна совсѣмъ не принимала Барбабу: на противъ того она заливается слезами, межъ тѣмъ какъ вся провинцїя торжествуетъ радостно ея свадьбу; она заперлась въ теремъ своихъ полатъ, и не хочетъ видѣть никакого увеселенїя, какїя для нее ни дѣлаютъ. Рустанъ слушая сїи слова, чувствовалъ себя оживающимъ, сїянїе цвѣтовъ, которые было помрачила печаль, показались опять на его лицѣ. Скажите мнѣ, прошу, продолжалъ онъ, длячего Кашемирскїй Князь упрямится выдать свою дочь за Барбабу, когда она его не хочетъ?

Вотъ

Вотъ все дѣло, отвѣчалъ Кашемирянинъ. Вѣдаете ли вы, что у нашего августѣйшаго Князя пропалъ большой алмазъ и дротикъ, которые были ему гораздо у сердца? О! я ето очень знаю, сказалъ Рустанъ. Знайтежъ и то, говорилъ хозяинъ, что нашъ Князь въ отчаянїи, что не получилъ ни какихъ извѣстїй о двухъ своихъ драгоцѣнностяхъ, приказавъ ихъ искать долгое время по всей земли, обѣщалъ свою дочь тому, кто ему принесетъ то или другое. Послѣ чего прибылъ нѣкакой господинъ Барбабу, имѣя при себѣ сей алмазъ, и женится завтра на Княжнѣ.

Рустанъ поблѣднѣлъ, пробормоталъ благодаренїе, простился съ хозяиномъ, и поскакалъ на своей животинѣ въ столицу, гдѣ долженствовала происходить свадьба. Онъ приходитъ въ Княжескїя полаты: объявляетъ, что имѣетъ Князю сообщить важныя

вещи;

вещи; просить быть представлен; ему отвѣтствуютъ, что Князь занятъ свадебными приготовленiями. Объ етомъ то, сказалъ онъ, и хочу я съ нимъ говорить; онъ столько настоитъ, что его допущаютъ. Государь, говорилъ онъ, да увѣнчаетъ Богъ всѣ ваши дни славою и великолѣпiемъ! а зять вашъ плутъ.

Какъ? плутъ! Что ты осмѣлился сказать? Такъ ли должно говорить Кашемирскому Владѣтелю объ избранномъ имъ зятѣ? Такъ, онъ плутъ, сказалъ на то Рустанъ; и чтобъ ето доказать вашей свѣтлости, вотъ вашъ алмазъ, которой вамъ и возвращаю.

Удивленный симъ Князь сличилъ оба алмаза; и какъ онъ не зналъ въ нихъ ни какой силы, то и не могъ рѣшить, которой изъ нихъ былъ истинный. Вотъ цѣлые два алмаза, сказалъ онъ, а у меня только что одна и дочь;

едакая

едакая бѣда! Онъ велѣлъ позвать Барбабу, и спрашивалъ, не обманулъ ли онъ его. Барбабу клялся, что онъ купилъ свой алмазъ у Армянина; другой не сказывалъ, отъ кого получилъ свой; но онъ предложилъ средство; чтобъ дозволилъ его свѣтлость тотчасъ ему сразиться съ его соперникомъ. Етова не довольно, чтобъ вашъ зять доставилъ вамъ алмазъ, говорилъ онъ, надобно также, чтобъ онъ показалъ опыты и храбрости. Не за справедливоель вы почитаете, чтобъ тотъ, который убьетъ другова, женился на Княжнѣ? Очень, очень за справедливое, отвѣчалъ Князь, ето будетъ весьма прекрасное зрѣлище для двора; ну, бейтесь поскорѣе оба; побѣдитель возметъ доспехи побѣжденнаго, по обычаю Кашемирскому, и женится на моей дочерѣ.

Тогожъ часа оба требователя сходятъ на дворъ. На лесницѣ сидѣли сорока и воронъ. Воронъ

кричалъ

кричалЪ, бейтесь, бейтесь; а сорока, ей! не бейтесь. Сїе заставило смѣяться Князя; двое соперниковЪ едва то услышали; они начинаютЪ бой; всѣ придворные сдѣлали около нихЪ кругЪ. Княжна находясь всегда запертою вЪ своемЪ теремѣ, не хотѣла присутствовать на семЪ зрѣлищѣ; она не могла и думать, чтобЪ любовникЪ ея находился вЪ Кашемирѣ; а кЪ Барбабу столько имѣла отвращенїя, что не хотѣла ничего и видѣть. Бой произходилЪ наилучшимЪ образомЪ вЪ свѣтѣ; Барбабу былЪ убитЪ до смерти, и народЪ былЪ тѣмЪ прельщенЪ, потому что былЪ онЪ гадокЪ, а РустанЪ очень пригожЪ; а ето то почти всегда и опредѣляетЪ народную благосклонность.

ПобѣдительЪ наделЪ панцырь, перевязь и шишакЪ побѣжденнаго, и пошелЪ, послѣдуемый всѣмЪ дворомЪ, при гласѣ трубЪ, предстать предЪ окнами своея любовницы.

бовницы. Всѣ люди кричали, прекрасная Княжна, ступай увидѣть прекраснаго твоего мужа, который убилъ скареднаго своего соперника; женщины ея повторили сїи слова. Княжна по несчастїю выставила голову въ окно, и увидѣла доспѣхи ненавистнаго ей человѣка, она побѣжала въ отчаянїи къ своему китайскому сундуку, и выняла роковой дротикъ, который и помчался пронзить любезнаго ея Рустана въ промежутки латъ; онъ произнесъ сильной крикъ, а по сему крику Княжна и узнала голосъ несчастнаго своего любовника.

Она сходитъ разтрепанна, имѣя смерть въ очахъ и въ сердцѣ. Рустанъ упавъ, и весь окровавленъ, находился уже въ рукахъ у ея отца. Она его видитъ: о часъ! о видъ! о узнанїе, коего ни грусти, ни нѣжности, ни ужаса не можно изъяснить; она упадаетъ на него, обнимаетъ;

ты получаешъ, вопитъ ему, первыя и послѣднія лобзанія отъ любовницы твоея и убійцы. Потомъ выхватываетъ копьецо изъ раны, вонзаетъ его въ свое сердце, и умираетъ на любовникѣ, коего обожала. Отецъ испужанный, изумленный, готовый умереть подобно ей, тщетно старается воззвать ее къ жизни; ужъ нѣтъ ее больше; онъ проклинаетъ сіе роковое копье, ломаетъ его въ дребезги, закидываетъ оба пагубные сіи алмазы; и межъ тѣмъ какъ приготовляютъ похороны для его дочери на мѣсто ея свадьбы, приказываетъ онъ отнесть въ свои полаты окровавленнаго Рустана, въ коемъ находился еще остатокъ жизни.

Кладутъ его въ постелю. Первая вещь, увидѣнная имъ по обѣимъ сторонамъ сего смертнаго ложа, былъ Топазъ и Ибенъ. Удивленіе его возвратило ему нѣсколько силъ. Ахъ! жестокіе, сказалъ онъ, для чего вы меня оста-

вили?

вили? Можетъ быть Княжна была бы и теперь жива, когдабъ вы находились при несчастномъ Рустанѣ. Я васъ ни на минуту не оставлялъ, сказалъ Топазъ: я всегда былъ при васъ, говорилъ Ибенъ.

Ахъ! что вы говорите? По что вы ругаетесь мной при послѣднихъ моихъ минутахъ? отвѣтствовалъ Рустанъ томнымъ голосомъ. Вы можете мнѣ въ семъ повѣрить, говорилъ Топазъ; вы знаете, что я никогда не одобрялъ сего роковаго путешествія, коего я предвидѣлъ ужасныя слѣдствія. Я то вить и былъ тѣмъ орломъ, который бился съ коршуномъ, выщипавшимъ у меня перья; я былъ тотъ слонъ, который уносилъ запасы, чтобъ принудить васъ возвратиться въ ваше отечество. Я былъ полосатый оселъ, который увозилъ васъ противъ вашей воли къ вашему родителю; я причиной, что заплутались ваши лошади; я произвелъ источ-

никЪ, воспрепятствовавшей вашему пути; я поднялЪ горы, которыя вамЪ заперли толь опасную дорогу; я былЪ врачЪ, который совѣтовалЪ вамЪ природный воздухЪ; я былЪ сорока, которая кричала, чтобЪ вы не сражались.

А я, сказалЪ ИбенЪ, я былЪ коршунЪ, выщипавшей у него перья; носорогЪ, влѣпившей вЪ него ударовЪ со сто рогомЪ; скаредЪ, бившей полосатова осла; купецЪ, давшей вамЪ верблюдовЪ, чтобЪ вамЪ бѣжать на нихЪ кЪ своей погибѣли; я состроилЪ мостЪ, по которому вы переѣхали; я вырылЪ вертепЪ, сквозь которой вы проѣхали; я былЪ тотЪ врачь, который присовѣтовалЪ ѣхать вамЪ на свадьбу, и коршунЪ, кричавшей вамЪ, чтобЪ вы сражались.

Увы! воспомни о пророчествахЪ, сказалЪ ТопазЪ; *Ежели ты поѣдешЪ на востокЪ, то будешЪ на западѣ.* ТакЪ, говорилЪ ИбенЪ,

Ибенъ, умершихъ погребаютъ здѣсь поворотивъ лицемъ къ западу: прорицанїе было ясно, для чего ты его не понялъ? Ты *пладѣлъ, и не пладѣлъ*; ибо ты имѣлъ алмазъ, но онъ былъ поддѣльный, а ты ничего о томъ не зналъ. Ты побѣдитель, и ты умираешъ; ты Рустанъ, и престаешъ имъ быть: все ето совершилось.

Когда онъ такъ говорилъ, то четыре бѣлыя крыла покрыли тѣло Топазово, и столькожъ черныхъ тѣло Ибеново. Что вижу я? вскричалъ Рустанъ. Топазъ и Ибенъ отвѣтствовали вмѣстѣ, ты видишъ двухъ твоихъ Духовъ (*). Е! господа, сказалъ имъ несчастный Рустанъ, къ чему вы мѣшаетесь? и начто два Духа для одново бѣднова человѣка?

 Такъ

(*) Восточные язычники вѣрятъ, что при рожденїи человѣка приставляются къ нему два Духа; изъ коихъ одинъ бѣлой, а другой черной.

Такъ велитъ законъ, твой сказалъ Топазъ, каждой человѣкъ имѣетъ у себя двухъ Духовъ. Платонъ (**) сказалъ объ етомъ первый, а другïе послѣдовали ему потомъ; теперь ты видишъ, что нѣтъ ничего етова истиннѣе: я, которой тебѣ говорю, я твой добрый Духъ, и моя должность была бодрствовать при тебѣ до послѣднïя минуты твоея, жизни, что я вѣрно и исправилъ.

Но ежели, говорилъ умирающïй, должность твоя была мнѣ служить, то какъ ты смѣешъ мнѣ говорить, что ты мой добрый Духъ, когда ты оставилъ меня обмануться во всемъ томъ, что я ни предпринималъ; и когда допустилъ умереть меня и мою любовницу толь бѣднымъ образомъ! Увы! такова была твоя судьба,

(**) Сïи Духи вымышлены у язычниковъ гораздо прежде Платона, но онъ первый началъ писать объ нихъ.

судьба, сказалъ Топазъ, и которой причиною твое непослушанїе. А ты, Ибенъ, говорилъ Князь, съ четырью твоими черными крыльями, по видимому ты мой злой Духъ. Такъ, отвѣтствовалъ Ибенъ. Но ты также былъ злой Духъ и моей Княжны? Нѣтъ, у нее свой былъ; и я ему совершенно пособлялъ. О! проклятый Духъ, продолжалъ Рустанъ, когдажъ ты такъ золъ, то конечно не принадлежишъ тому же Владыкѣ, которому и Топазъ? Конечно вы созданы двумя разными Началами (*), изъ коихъ

(*) Восточные народы, слѣдующїе Зороастрову толку, вѣрятъ безразсудо, что есть два Начала или Существа, изъ коихъ одно почитается чистѣйшимъ и разумнымъ свѣтомъ подъ именемъ Оромаса, а другое есть тма страдательная и вещественная, подъ названїемъ Ариманїя. Первое признавается добрымъ, а другое злымъ. Сїи два Начала противобор-

одинъ добрый, а другой злый по своему естеству? Невозможное дѣло, продолжалъ издыхающій, чтобъ благотворное Существо создало толь пагубнаго Духа. Возможное или невозможное, отвѣчалъ Ибенъ, дѣло было такъ, какъ я сказалъ. Увы! возопилъ Топазъ, бѣдный мой другъ, не видишъ ли ты, что сей бездѣльникъ и теперь имѣетъ злость принуждать тебя спорить, дабы воспламенить твою кровь, и тѣмъ ускорить часъ твоея смерти? Пошолъ, я и тобой не больше доволенъ какъ и имъ, сказалъ печальный Рустанъ. Онъ признается по крайней мѣрѣ, что хотѣлъ мнѣ сдѣлать зло; а ты, который хвалился меня оберегать, не послужилъ мнѣ ни къ чему. Это мнѣ крайнѣ досадно, сказалъ добрый духъ

ствуютъ другъ другу вѣчно: отъ перваго произтекаетъ всякое благо, а отъ другаго всякое зло.

Духъ, что ты въ упорствѣ своемъ непризнаешся, и что оное было причиною твоей погибели; но я увѣрю тебя. Я бы желалъ этого въ сїю жъ минуту, продолжалъ Рустанъ. Посмотримъ, отвѣчалъ Топазъ. Тогда все изчезло. Рустанъ очутился въ домѣ своего отца, изъ коего онъ не выходилъ, и на своей постелѣ, на которую онъ легъ спать зачасъ передъ тѣмъ.

Онъ просыпается вдругъ весь въ поту, весь въ смятенїи, ощупываетъ себя, зоветъ, кличетъ, звонитъ. Прислужникъ его Топазъ прибѣгаетъ къ нему въ спальномъ колпакѣ, зѣвая. Умеръ ли я, или живъ? вскричалъ Рустанъ: прекрасная Кашемирская Княжна ожила ли также? —Государь, не брѣдитель вы? отвѣчалъ холодно Топазъ.

Ахъ! вскричалъ Рустанъ, кудажъ дѣвался сей лютый Ибенъ съ четырью своими черными крыльями? Онъ то меня уморилъ

толь мучительною смертію. Государь, я его оставилъ на верху, гдѣ онъ и теперь храпитъ; не изволитель, я его кликну? Бездѣльникъ! цѣлые шесть мѣсецовъ онъ меня преслѣдуетъ; онъ меня привелъ на сїю проклятую Кабульскую ярмонку; онъ у меня подцапалъ алмазъ, который мнѣ подарила Княжна; онъ одинъ причина моего путешествїя, смерти Княжниной, и удара дротикомъ, отъ коего умираю я во цвѣтѣ моихъ лѣтъ.

Ободритесь, сказалъ Топазъ, вы никогда не бывали въ Кабулѣ; нѣтъ никакой Княжны Кашемирской; отецъ ея никого больше не имѣлъ, кромѣ двухъ мальчиковъ, которые находятся теперь въ училищѣ. Вы никогда не имѣли алмаза; Княжна не можетъ быть мертва, потому что она никогда и не раживалась; а вы также во всемъ здоровье.

Какъ! ето не правда, что ты присутствовалъ при моей

смерти

смерти подлѣ постели Кашемирскаго Князя? Не ты ли мнѣ признавался, что ты меня отвращалъ отъ столькихъ несчастiй, бывъ орломъ, слономъ, полосатымъ осломъ, врачемъ и сорокою? Милостивый государь, вамъ это все приснилось: наши мысли не зависятъ больше отъ насъ во снѣ, такъ какъ на яву. Богъ хотѣлъ, чтобъ сiя нить мыслей прошла у васъ сквозь мозгъ, дабы учинить вамъ по видимому нѣкоторое наставленiе, котороебъ употребили вы себѣ въ пользу.

Ты смѣешся надо мной, предпрiялъ Рустанъ; сколько времени я спалъ? Не болѣе часа, сударь. Ну, проклятый спорщикъ, такъ какъ ты хочешъ, чтобъ въ одинъ часъ могъ я быть на Кабульской ярмонкѣ, болѣе тому полугода, чтобъ я оттуда возвратился, отправился потомъ въ Кашемиръ, и послѣ того умерли бы Барбабу, Княжна и я? Милостивый государь, нѣтъ ни-

чего етова легче и обыкновеннѢе, и вы бы могли дѢйствительно объѢздить цѢлый свѢтъ, и имѢть несравненно больше приключеній гораздо въ меншее время.

Не правда ли, что вы можете прочесть въ одинъ часъ сокращеніе Персидской Исторіи, написанной Зороастромъ? Между тѢмъ, сіе сокращеніе содержитъ въ себѢ осмъ сотъ тысячь лѢтъ. Всѣ сія произшествія пройдутъ подъ вашими взорами одно послѢ другаго въ одинъ часъ. А притомъ вы мнѢ признаетесь, что также легко БрамѢ сжать ихъ всѢ въ пространство одного часа, какъ и растянуть въ пространство осми сотъ тысячь годовъ. Ето точно тоже самое. Вообразите себѢ, что время обращается на такомъ колесѢ, коего поперечникъ безконеченъ. Подъ симъ огромнымъ колесомъ находится безчисленное множество колесъ, однихъ въ другихъ; само-

мое среднѣе почти невидимо, и дѣлаетъ безсчетное число образовъ точно въ то самое время, когда большое колесо только что совершаетъ одинъ. По сему ясно, что всѣ приключенія, съ самаго начала свѣта даже до его конца, могутъ случиться постепенно гораздо въ меньшее время, нежели какова стотысячная часть секунды; и можно то же сказать и объ етой вещи.

Я тутъ ничего не понимаю, сказалъ Рустанъ. Ежели вы хотите, говорилъ Топазъ, такъ я имѣю попугая, который вамъ легко ето растолкуетъ. Онъ за нѣсколько времени родился до потопа; былъ въ ковчегѣ; много видѣлъ; совсѣмъ тѣмъ нѣтъ ему еще полутора года: онъ вамъ разскажетъ свою исторію, которая весьма любопытна.

Подижъ поскорѣе, сыщи мнѣ своего попугая, сказалъ Рустанъ, пусть онъ меня забавляетъ, пока я опять засну. Онъ у моей

сестры монахини, сказалЪ Топазъ, я пойду его возьму, вы имЪ будете довольны; память его вѣрна, онЪ разсказываетЪ просто, не стараясь показать разума при всякомЪ словѣ, и не дѣлая фразЪ. ТѣмЪ лучше, говорилЪ РустанЪ, едакія то сказки я и люблю. Послѣ чего принесли кЪ нему попугая, который говорилЪ такимЪ образомЪ.

Пр. Дѣвица Катерина Ваде не могла никакЪ отыскать исторіи попугая, въ записной книжкѣ покойнаго своего сестрича Антона Ваде, сочинителя сея сказки. Это великая трата въ разсужденіи времени, въ которое жилЪ сей попугай.

*   *

*

ЖАН-

ЖАННОТЪ и КОЛИНЪ.

Многія особы достойныя вѣроятія видѣли Жаннота и Колина въ школѣ города Иссоара въ Оверніи, прославившагося во всемъ свѣтѣ своею гимназіею, и теплицами. Жаннотъ былъ сынъ довольно славнаго купца торгующаго мулами, а Колинъ долженствовалъ своею жизнію преизрядному хлѣбопашцу того округа, пахавшему свою землю четырью мулами, и который, заплатя пошлину, тягло, накладки и зборы, копѣйку съ ливра, оброкъ и дватцатыя, не находилъ себя сильно богата при концѣ года.

Жаннотъ и Колинъ были гораздо красивы для Оверніянцовъ; они весьма любили одинъ другова; и имѣли межъ собою малинькія откровенности, небольшія дѣлишки, о которыхъ всегда съ удовольствіемъ воспомина-

ютъ,

ютѣ, когда свидятся потомъ во свѣтѣ.

Время ихъ ученія приходило ко окончанію, какъ принесъ портной къ Жанноту кафтанъ изъ цвѣтнаго бархата, съ Ліонскимъ камзоломъ, весьма изряднаго вкуса: все сіе было послѣдуемо письмомъ къ господину Жанноті́еру. Колинъ полюбовался платьемъ, и не позавидовалъ ему: но Жаннотъ принялъ видъ большинства, что опечалило Колина. Съ сей минуты Жаннотъ не учился уже болѣе, смотрѣлся въ зеркало, и пренебрегалъ весь свѣтъ. Нѣсколько времени спустя прибѣгаетъ на почтѣ комнатный служитель, и приноситъ другое письмо къ господину Маркизу Жанноті́еру; это былъ приказъ отъ господина его батюшка, чтобъ господинъ его сынъ ѣхалъ въ Парижъ. Жаннотъ сѣвъ въ качалку протянулъ руку къ Колину, съ улыбкою покровительства весьма благородною.

ною. Колинъ почувствовалъ свое ничтожество, и пролилъ слезы. Жаннотъ поѣхалъ во всей пышности своея славы.

Читатели, любящїе о всемъ освѣдомляться, должны вѣдать, что господинъ Жаннотъ отецъ прїобрѣлъ весьма быстро безмѣрныя имѣнїя отъ своихъ дѣлъ. Вы спрашиваете, какъ сыскиваютъ едакое большое счастье. Ничѣмъ инымъ какъ счастьемъ. Господинъ Жаннотъ былъ статенъ, жена его также, и къ тому жъ была еще молода. Они прїѣхали въ Парижъ для нѣкоторой тяжбы, которая ихъ раззоряла, какъ вдругъ счастїе, которое возвышаетъ и унижаетъ людей по своему хотѣнїю, представило ихъ женѣ подрядчика военныхъ больницъ, человѣка великаго дарованїя, и который могъ хвалиться, что убивалъ въ одинъ годъ болѣе солдатъ, нежели могла погубить пушка въ десять лѣтъ. Жаннотъ понравился

вился госпожѣ: а жена Жаннотова полюбилась господину. Жаннотъ тотчасъ вошелъ въ долю въ подрядѣ; потомъ вступилъ въ другія дѣла. Какъ скоро попадешъ на стержень воды, то дай себя только нести; такъ то сыскивается и большое счастїе безъ всякаго труда. Нищїе, видящїе тебя съ берега пловуща на полныхъ парусахъ, выпучиваютъ на тебя въ удивленїи глаза; они недоумѣваются, какъ ты могъ до сего дойти, они завидуютъ тебѣ въ етомъ, и дѣлаютъ противу тебя книжки, которыхъ ты не читаешъ. Сїе самое случилось съ Жанноттовымъ отцомъ, который тотчасъ сдѣлался господиномъ Жаннотїеромъ, и который при концѣ полугода купивъ себѣ Маркизатство, взялъ изъ школы Господина Маркиза своего сына, чтобъ ввесть его въ Парижѣ въ большой свѣтъ.

Колинъ, всегда нѣжный, отписалъ вѣжливое письмо къ старому

рому своему товарищу, и сочинилъ ему сiи строки для сопоздравленiя его. Маленькой Маркизъ не учинилъ ему никакого отвѣта. Колинъ отъ того занемогъ съ печали.

Отецъ и мать приставили тотчасъ наставника къ молодому Маркизу: сей наставникъ, который былъ человѣкъ прекраснаго вида, и который ничего не разумѣлъ, не могъ ничего преподавать своему питомцу. Баринъ хотѣлъ, чтобъ сынъ его учился по Латинѣ, а Барыня того не хотѣла. Они взяли въ посредника нѣкотораго сочинителя, который былъ тогда знаменитъ прiятными своими сочиненiями. Онъ былъ позванъ отобѣдать. Хозяинъ дома и началъ ему тотчасъ говорить; государь мой, какъ вы умѣете по Латинѣ, и какъ вы человѣкъ придворный. — Я, сударь, по Латинѣ! я не знаю изъ него ни одного слова, отвѣтствовалъ разумникъ, хотя и приписываютъ

вают мнѣ это: весьма ясно, что тѣ гораздо лучше говорятъ на природномъ своемъ языкѣ, кои не раздѣляютъ своего прилѣжанія между своимъ и чужестранными языками. Посмотрите на всѣхъ нашихъ госпожъ, у нихъ разумъ гораздо пріятнѣе нежели у мущинъ; ихъ письма сочинены въ тысячу разъ прелестнѣе; и онѣ имѣютъ надъ ними въ томъ преимущество ни чѣмъ инымъ, какъ что не разумѣютъ по Латинѣ.

Ну, не права ли я? сказала барыня. Я хочу, чтобъ мой сынъ былъ человѣкъ разумной, чтобъ онъ успѣлъ во свѣтѣ; а вы видите теперь, что ежелибы онъ зналъ по Латинѣ, то бы погибъ. Ну, играютъ ли, пожалуйте скажите, комедію или оперу по Латинѣ? Бьютъ ли челомъ по Латинѣ, когда имѣютъ тяжбу? Любятся ли по Латинѣ? Баринъ, ослѣпленный сими доказательствами, былъ обвиненъ, и было опредѣлено, чтобъ молодой Маркизъ не терялъ

рялъ своего времени на узнаніе Цицерона, Горація, и Виргилія. Но чемужъ онъ станетъ учиться? Ибо надобно, чтобъ онъ что нибудь зналъ; не можно ли ему показать немножко Географіи? Да начто ему она? отвѣчалъ наставникъ. Когда господинъ Маркизъ поѣдетъ въ свои земли, то почтари не ужели не будутъ знать дорогъ? Они конечно не заплутаются съ нимъ на пути. Ни малой не имѣютъ нужды въ четверти круга для путешествованія, и ѣздятъ весьма спокойно изъ Парижа въ Овернію, ни какой не имѣя нужды знать подъ какою широтою находятся.

Ваша правда, предпріялъ отецъ; но я слыхалъ объ одной прекрасной наукѣ, которую называютъ, помнится, Астрономіею. Какая жалость! вскричалъ наставникъ; по звѣздамъ ли ведутъ себя на семъ свѣтѣ? И нужно ли, чтобъ господинъ Маркизъ умолкъ для вычисленія затменія,

тменія, когда можетъ его найти описаннаго въ календарѣ въ извѣстномъ числѣ, и который ему показываетъ еще и всѣ годовые праздники, рожденіе луны, и роспись всѣмъ Принцессамъ въ Европѣ?

Барыня во всемъ была согласна со мнѣніемъ наставника. Маленькой Маркизъ находился въ полной радости; а отецъ въ великомъ недоумѣніи. Чемужъ надобно учить моего сына? сказалъ онъ. Быть пріятнымъ, отвѣтствовалъ другъ, съ которымъ совѣтовались; и ежели онъ узнаетъ *способы нрапиться*, такъ и все узналъ; а етой наукѣ выучится онъ у госпожи своей матушки, и которое не будетъ стоить ни малѣйшаго труда ни тому ни другому.

По сихъ словахъ барыня обняла прелестнаго невѣжду, и сказала ему. Теперь я вижу, сударь, что вы наиучонѣйшій человѣкъ во свѣтѣ; мой сынъ будетъ вамъ

одол-

одолженъ всемъ своимъ воспитанїемъ: впрочемъ я думаю, что не худо будетъ научить его нѣсколько исторїи. Ахъ! сударыня, къ чему она потребна? отвѣчалъ онъ; истинно нѣтъ ничего прїятнѣе и полѣзнѣе, какъ только повседневной исторїи. Всѣ древнїя повѣсти, какъ сказалъ нѣкто изъ нашихъ разумныхъ людей, ничто иное суть какъ доказанныя басни; а что принадлежитъ до новѣйшихъ, то это такой хаосъ, коего и разобрать не можно. И какая нужда вѣдать господину вашему сыну, что Карлъ Великїй установилъ двѣнатцать Перовъ во Францїи, и что преемникъ его былъ заика?

Ничего лучше сказать нельзя, вскричалъ наставникъ; удушаютъ разумъ дѣтей кучею безполѣзныхъ знанїй; но изъ всѣхъ наукъ глупѣйшая, по моему мнѣнїю, и способнѣйшая утушить всякїй родъ дарованїя, есть Геометрїя. Сїя странная

ная наука имѣетъ себѣ предметомъ поверхности, черты и точки, которые совсѣмъ не существуютъ въ природѣ. Принуждаютъ вбирать въ разумъ сто тысячь чертъ кривыхъ промежду круга и прямой черты, которая онаго касается, хотя въ самомъ дѣлѣ не можно туда провести соломины. Геометрія, по истиннѣ, ничто иное есть какъ глупое шутовство.

Баринъ и барыня не гораздо понимали то, что наставникъ изъяснялъ, но токмо были совершенно его мнѣнія.

Такой вельможа какъ господинъ Маркизъ, продолжалъ онъ, не долженъ высушивать себѣ мозгу сими тщетными ученіями. Ежели когда случится ему нужда въ высокопарномъ Геометрѣ, дабы снять чертежъ съ его земель, то онъ ее прикажетъ размѣрять за свои деньги. Естьли жъ также когда захочетъ разобрать древность своего благородства,

которая

которая возходитъ до удаленнѣйшихъ временъ, то стоитъ ему приказать сыскать Бенедиктинца. А ето же самое и со всѣми науками употребить можно. Молодой вельможа благополучно рожденный, есть ни живописецъ, ни музыкантъ, ни зодчїй, ни истуканщикъ; но всѣ сїи науки заставляетъ цвѣсти ободряя ихъ своимъ великолѣпїемъ. И лучше ихъ безъ сомнѣнїя покровительствовать, нежели самому въ нихъ упражняться; довольно ежели господинъ Маркизъ будетъ имѣть вкусъ; а работать для него есть дѣло художниковъ; и по сему то великую имѣли причину сказать, что знатные люди, (*Я рузумѣю тѣхъ, которые весьма богаты*) все разумѣютъ ничему не учась, потому что въ самомъ дѣлѣ они умѣютъ разсуждать вдаль обо всѣхъ вещахъ, о которыхъ приказываютъ, и за которыя платятъ.

Любезный невѣжда принялъ тогда слово, и сказалъ; вы, я чаю, весьма ясно примѣтили, сударыня, что вся цѣль человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ успѣть въ сообществѣ. Ну такъ разсудитежъ, науками ли пріобрѣтаютъ въ етомъ успѣхъ? Стараются ли когда нибудь въ добропорядочной бесѣдѣ говорить о Геометріи? Спрашиваютъ ли когда нибудь у честнаго человѣка, какая звѣзда севодни взошла съ солнцемъ? Справливаются ли за ужиномъ, переправился ли косматый Клодїонъ за Рейнъ? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, вскричала Маркиза Жаннотїеръ, коея прелести прославляли ее иногда въ хорошемъ свѣтѣ, и господинъ мой сынъ не долженъ утушать своего дарованія ученіемъ всѣхъ сихъ вздоровъ; но наконецъ чемужъ онъ станетъ учиться? ибо не худо, чтобъ молодой господинъ могъ поблистать при случаѣ, какъ то говоритъ господинъ мой мужъ Помнится

мнится мнѣ я слыхала отъ одного Аббата, что есть одна изъ наипрелестнѣйшихъ наукъ, которой имя я позабыла, но которая начинается съ Г. Съ Г. сударыня? Это конечно Гидрографїя. Нѣтъ, мнѣ онъ не объ ней говорилъ; его наука, говорю я вамъ, начинается съ Г, а кончится на *ка*. А! разумѣю, сударыня, это Геральдика; это истинно, что глубокая наука: но она больше ужъ не въ модѣ, съ тѣхъ поръ какъ потеряли привычку разрисовывать каретныя дверцы вооруженїями своего герба; а эта вещь была наиполезнѣйшая въ добропорядочномъ государствѣ. Впрочемъ, этобъ была наука безконечная; и нынча нѣтъ уже ни одного бородобрея, который бы не имѣлъ у себя особливаго щита; а вы знаете, что все то, что дѣлается общимъ, не весьма употребительно. На конецъ, по испытанїи въ наукахъ сильнаго и слабаго, было опре-

 дѣлено,

дѣлено, чтобъ господинъ Маркизъ научился танцовать.

Природа, производящая все, снабдила его такимъ дарованіемъ, которое тотчасъ открылось съ безмѣрнымъ успѣхомъ, и состояло въ пѣніи пріятнымъ образомъ пѣсенокъ. Пріятства молодости, присовокупившіяся къ сему превосходному таланту, заставили его почитать дѣтинкою великія надежды. Онъ былъ любимъ женщинами; и какъ онъ имѣлъ голову набиту всякими пѣснями, то и самъ сочинялъ ихъ для своихъ любовницъ. Онъ помѣстилъ въ одной Бакха и Купидона, въ другой день и ночь; а въ третей пріятности и тревоги. Но какъ завсегда въ его стихахъ находилося или болѣе либо менѣе стопою, нежели сколько надлежало, то онъ всегда старался ихъ исправлять посредствомъ двадцати луидоровъ за пѣсню, и былъ поставленъ въ *Журналѣ писателей*, въ число Де

ла

ла Фаровъ, Шолїеровъ, Гамильтоновъ, Сарразиновъ и Воатюровъ.

Госпожа Маркиза думала тогда быть матерью ученаго человѣка, и сдѣлала ужинъ для ученыхъ Парижскихъ людей. Голова сего молодчика вскорѣ была вскружена; онъ приобрѣлъ науку говорить не переставая, и сдѣлался совершеннымъ въ привычкѣ, не быть способнымъ ни къ чему. Когда его отецъ увидѣлъ его толь краснорѣчива, то крайне сожалѣлъ что не велѣлъ его выучить по Латинѣ, ибо могъ бы ему купить большой чинъ въ приказѣ. Мать, имѣвшая благороднѣйшїя чувствованїя, взялась выходить полкъ для своего сына; а онъ въ ожиданїи того вступилъ въ волокитство; а волокитство бываетъ иногда дороже и полка. Онъ промоталъ весьма много, межъ тѣмъ какъ его родители истощавались еще

больше содержа себя по примѣру знатныхъ господъ.

Нѣкоторая молодая знатная вдова ихъ сосѣдка, имѣвшая посредственное состоянїе, соблаговолила предпрїять привесть въ безопасность великїя пожитки господина и госпожи Жаннотїеръ, присвояя ихъ себѣ, и вышедъ за молодаго Маркиза. Она заманила его къ себѣ, дозволила себя полюбить, дала ему примѣтить, что и она къ нему не безпристрастна, и такъ ведя его постепенямъ, воспламенила его, и покорила себѣ безъ всякаго труда. Она ему приписывала то похвалы, то подавала совѣты; на конецъ сдѣлалась наилучшею прїятельницею отцу его и матерѣ. Нѣкоторая старая сосѣдка предложила бракъ. Родители ослѣпленные сїянїемъ сего союза, приняли съ радостїю предложенїе. Они вручили единороднаго своего сына искренней своей прїятельницѣ. Молодой Маркизъ тотс-

готовился жениться на обожаемой имъ женщинѣ, и коею былъ самъ любимъ; домашнїе друзья поздравляли его тѣмъ, готовились постановить свадебныя статьи, межъ тѣмъ какъ приготовляли свадебное платье и *Епиталамгю* (брачную пѣснь.)

Въ нѣкоторое утро стоялъ онъ на колѣняхъ передъ прелестною своею супругою, которую любовь, почтенїе и дружба ему вручали; они вкушали въ нѣжномъ и страстномъ разговорѣ начатки своего благополучїя, они распоряжали, какъ станутъ вести наипрелестнѣйшую жизнь; какъ вдругъ прибѣжалъ комнатный служитель госпожи его матушки весь внѣ себя. И вотъ какїя вѣсти принесъ онъ; приставы забираютъ все въ домѣ господина вашего батюшка; все захвачено заимодавцами; да и самаго его хотятъ взять подъ караулъ; я долженъ самъ поспѣшать, какъ бы получить мое

жалованье. Посмотримъ, сказалъ Маркизъ, что ето такое, и чтобъ за приключенїе ето было; да, да, сказала вдова, поди пожалуй, накажи етихъ бездѣльниковъ, поди поскорѣе. Онъ туда бѣжитъ, приходитъ въ домъ; отецъ его былъ уже отведенъ въ тюрму; всѣ слуги разбѣжались всякой въ свою сторону, унося все то, что кто смогъ. Мать его была одна, безъ помощи, безъ утѣшенїя, вся въ слезахъ; ничего ей больше не оставалось, кромѣ воспоминанїя о своемъ счастїи, о красотѣ, о своихъ проступкахъ. и о глупыхъ своихъ расточенїяхъ.

Сынъ поплакавъ съ нею весьма долгое время, сказалъ ей наконецъ; перестанемъ отчаяваться; сїя молодая вдова любитъ меня страстно, она еще больше великодушна, нежели сколько богата, я за нее отвѣтствую, я побѣгу къ ней, и приведу ее къ вамъ. И такъ возвращается онъ

къ

къ своей любовницѣ, онъ ее находитъ на единѣ съ молодымъ офицеромъ весьма прекраснымъ. Ба! ето ты господинъ Жаннотіеръ, за чѣмъ ето ты сюда пришелъ? Оставляютъ ли въ едакой печали свою мать? Поди, поди къ етой бѣдной женщинѣ, и скажи ей, что я завсегда желаю ей добра: мнѣ нужда въ комнатной женщинѣ, такъ я ей дамъ въ етомъ преимущество. Дружокъ, ты мнѣ кажешся довольно проворенъ, сказалъ ему офицеръ, ежели ты хочешъ пойти ко мнѣ въ роту, я тебѣ дамъ хорошей задатокъ.

Одураченный Маркизъ, имѣя въ сердцѣ бѣшенство, пошелъ искать стараго своего наставника, открылъ ему всю свою печаль, и спрашивалъ у него совѣта. Сей предложилъ ему сдѣлаться, подобно ему, наставникомъ у дѣтей. Ахъ! отвѣчалъ онъ, я ничего не знаю, ты меня ничему не научилъ, и ты первая при

чина моего несчастія; а самъ заливался слезами говоря ему такъ. Дѣлай романы, сказалъ ему разумникъ бывшей путъ, это презрядная подмога здѣсь вЪПарижѣ.

Молодчикъ отчаявшись больше прежняго, побѣжалъ къ духовному отцу своея матери, сей духовникъ былъ у всѣхъ въ знати, и исповѣдывалъ однѣхъ только знатныхъ госпожъ; какъ скоро онъ его завидѣлъ, то и бросился къ нему на встрѣчу. Ахти, Боже мой господинъ Маркизъ, гдѣ ваша карета? Какъ обрѣтается высокопочтенная госпожа Маркиза ваша матушка? Бѣднякъ разсказалъ ему тогда напасть своего дома. По мѣрѣ, какъ онъ ему изъяснялся духовникъ принималъ видъ постояннѣе, безпристрастнѣе и важнѣе; сыне мой, се воля Божія является видимо надъ вами; ибо имѣнія только что развращаютъ сердца. Господь конечно хощетъ показать милость

твоей

твоей матерѣ, приводя ее въ нищету. Такъ, сударь, тѣмъ лучше, она уже теперь несомнѣнно получитъ свое спасенїе. Однакожъ, батюшко, ожидая онаго, нѣтъ ли какого средства получить нѣкоторую помощь на семъ свѣтѣ? Прости, чадо мое; нѣкоторая придворная госпожа меня ожидаетъ.

Маркизъ почти лишался чувствъ; онъ былъ отподчиванъ похоже на ето всѣми своими друзьями, и научился лучше узнавать свѣтъ въ половину дня, нежели во весь остатокъ своей жизни.

Какъ былъ онъ погруженъ въ глубину своего отчаянїя, то увидѣлъ возовую качалку по старинѣ, родъ крытой тележки, одернутой кожаными завѣсами, и послѣдуемой четырью огромными навьюченными верхомъ телегами. Въ качалкѣ находился молодой человѣкъ одѣтой по крестьянски; у него лице было полное и румяное, изъявляющее

простоту и веселіе. Его смуглая жоночка, и довольно по крестьянски пригожая, тряслася сидя подлѣ него. Везенька ѣхала не такъ какъ вертопрашеская колесница. Путешествующій имѣлъ все время разсмотрѣть неподвижнаго Маркиза, пожертаго своею печалію. Ахти, Боже мой! вскричалъ онъ, ето никакъ Жаннотъ. При семъ имени Маркизъ поднимаетъ глаза, везенька остановляется; Ето точно онъ, ето Жаннотъ. Малинькой дородной человѣчикъ выскочилъ за одинъ разъ, и бѣжитъ обнять стариннаго своего товарища. Жаннотъ узнаетъ Колина; стыдъ и слезы покрыли его лице. Ты меня покинулъ, сказалъ Колинъ, однакожъ сколько ты хочешъ будь большой баринъ, а-я все таки любить тебя не перестану. Постыженный и тронутый Жаннотъ разсказалъ ему всхлипывая часть своея исторіи. Ступай со мной въ корчму, гдѣ я стою, тамъ ты мнѣ

раз-

разскажешъ достаъ, сказалъ ему Колинъ, обойми мою жонку, и отобѣдай съ нами вмѣстѣ.

Они идутъ всѣ трое пѣшкомъ, послѣдуемы обозомъ. А это что за возы, спросилъ Жаннотъ; твои они? Да, всѣ мои и моей жены. Мы прїѣхали изъ деревни, я везу изрядное рукодѣлье изъ лужонова желѣза и мѣди. Я женился на дочери богатаго промышленника посудою нужною и большимъ и малымъ; мы работаемъ много; Богъ насъ благословляетъ; мы не перемѣнили состоянїя, мы счастливы, и поможемъ другу нашему Жанноту. Пожалуй не будь больше Маркизомъ; всѣ знатности сего свѣта не стоятъ одного добраго друга. Возвратись со мною въ нашу отчизну, я тебя научу моему рукомеслу, пущу тебя въ долю, и станемъ жить весело въ углу родимой нашей сторонушки.

Смущенный Жаннотъ чувствовалъ себя раздѣленна между печалїю и радостью, нѣжностїю и стыдомъ; и говорилъ самъ въ себѣ; всѣ мои друзья великолѣпнаго вида мнѣ измѣнили, а Колинъ, котораго я презиралъ, одинъ только пришелъ ко мнѣ на помочь. Какое наставленїе! Добродушїе Колиново открываетъ въ сердцѣ Жанноштовомъ сѣмя доброй природы, кое свѣтъ не совсѣмъ еще утушилъ. Онъ почувствовалъ, что не можетъ оставить отца своего и мать. Мать твою мы не покинемъ, сказалъ Колинъ, а что надлежитъ до старичка твоего батюшка, которой сидитъ теперь въ тюрмѣ, то я разумѣю немножко приказныя дѣла; его заимодавцы увидя, что онъ ничего больше не имѣетъ, будутъ довольны и небольшимъ числомъ; я уже за все берусь. Колинъ столько постарался, что высвободилъ старика изъ темницы. Жаннотъ возвратился въ свою отчи-

отчизну съ своими родителями, которые принялись за прежнее свое ремесло. Онъ женился на сестрѣ Колиновой, которая, будучи такого же нрава, какъ и братъ ея, сдѣлала его весьма счастливымъ. Тогда и отецъ, и мать, и сынъ увидѣли, что счастіе заключается не въ тщеславіи.

О ПРАЗДНИКАХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ.

1759.

Нѣкоторой бѣдный дворянинъ уѣзда города Гагено пахалъ маленькую свою землицу, и былъ въ приходѣ у святой Рагонды, или Радегонды. Такъ случилось, что въ день праздника святой Рагонды, надлежало вспахать ниву сего бѣднаго дворянина, безъ чего все бъ было потеряно. Господинъ, простоявъ набожно обѣдню со всѣми своими людми, пошелъ чредить свою землю, отъ коея зависѣло содержанiе всей его семьи; а попъ и другiе прихожане пошли пить по обыкновенiю.

Патеръ пьючи увѣдомился объ огромномъ соблазнѣ, каковой дерзнули учинить въ его приходѣ, мiрскою работою: онъ пошелъ, краснѣ-

краснѣясь весь отъ гнѣва и вина, сыскать земледѣльца, и сказалъ ему, государь мой, ты очень нагдъ и злочестивъ, осмѣлясь пахать твое поле, вмѣсто того чтобъ пойти въ кабакъ, какъ и другїе. Я признаюсь, сударь, отвѣчалъ дворянинъ, что надобно пить въ честь нашей святой, но надобно также и ѣсть, а моя семья умерла бы съ голода, ежелибъ я не пахалъ. Пей и умри, сказалъ ему попъ. Въ какомъ уставѣ, въ какомъ соборѣ ето написано? спросилъ хлѣбопашецъ. Въ Овидїи, отвѣчалъ патеръ. Я ето почитаю злоупотребленїемъ, сказалъ дворянинъ. Въ какомъ мѣстѣ у Овидїя нашелъ ты, что долженъ я скорѣе пойти въ кабакъ, нежели пахать мое поле въ день святыя Рагонды?

Вы можете примѣтить, что дворянинъ и священникъ весьма изрядно были обучены. Прочти превращенїе Минїевыхъ дочерей, сказалъ патеръ. Я его читалъ, отвѣчалъ

вѣчалъ другой, и въ томъ стою, что оно ни малаго сходства съ моею сохою не имѣетъ.... Какъ, злочестивецъ, ты етого не помнишъ, что Минїевы дочери были претворены въ летучихъ мышей за то, что пряли въ праздникъ? Обстоятельство совсѣмъ разное, отвѣтствовалъ дворянинъ; сїи дѣвицы не воздали никакой чести Бакху, а я былъ у обѣдни въ день святой Рагонды; тебѣ ни какъ нельзя ко мнѣ привязаться; ты меня не претворишъ въ летучую мышъ. Я хуже сдѣлаю, сказалъ священникъ: я сдѣлаю то, что на тебя наложатъ пеню. Онъ того и непреминулъ. Бѣдной дворянинъ былъ раззоренъ; онъ оставилъ отчизну съ своею семьею и служителями, уѣхалъ въ чужую землю, сдѣлался лютераниномъ, а земля его осталась непахана многїе годы.

Разсказали сїе приключенїе нѣкоторому градоначальнику многаго благоразумїя и великаго благо-

благочестія. Вотъ какія разсужденія сдѣлалъ онъ на случай святыя Рагонды:

Безъ сомнѣнія ето корчмари, которые выдумали у насъ сїе ужасное число праздниковъ: у насъ вѣра крестьянъ и мастеровыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ пьянствовать въ день святаго, коего они только что по службѣ и знаютъ; въ сїи то дни праздности и озорничества и содѣваются всяческія беззаконія: сїи то праздники наполняютъ темницы, и подаютъ прокормленїе десятскимъ, крючкотворцамъ, розыскнымъ судьямъ и палачамъ: вотъ все тутъ оправданїе нашимъ праздникамъ: Католицкія поля едва стоятъ пахаланы, межъ тѣмъ какъ Еретическія нивы, чредимыя повседневно, производятъ богатыя жатвы.

Пусть сапожники идутъ поутру къ обѣднѣ святаго Крепина, потому что Crepido знаменуетъ передокъ у башмака; пускай щотошники празднуютъ святой

Барбѣ

Варбѣ своей заступницѣ, пусть болящїе глазами слушаютъ обѣдню у святой Клеры; пусть празднуютъ святому . . . во многихъ провинцїяхъ; но по отданїи своего долга святымъ, пускай дѣлаютъ услугу и человѣкамъ, пусть идутъ отъ олтаря къ сохѣ; а ето будетъ чрезмѣрность варварства и несноснаго невольничества, чтобъ посвящать свои дни нерачивости и пороку. Патеры приказывайте, (естьли ето нужно.) чтобъ молились Роху и Фїакру, по утру; градоначальники, повелѣвайте, чтобъ пахали ваши поля въ день Фїакра, и Роха. Нужна то вить работа; когда ее довольно, такъ она и освящаетъ.

ПИСЬМО

ПИСЬМО

Г. ВОЛТЕРА

КЪ Г. ЖАНЪ ЖАКЪ РУССО

Я получилъ, государь мой, вашу новую книгу противу человѣческаго рода; и за то вамъ приношу благодарность. Вы понравитесь людямъ сказывая имъ ихъ истинны, и не исправите ихъ. Не можно изобразить острѣйшими цвѣтами ужасовъ человѣческаго сообщества, отъ коего невѣжество наше и слабость обѣщаютъ себѣ толико утѣшенїй. Никогда не было употреблено столько разума, чтобъ сдѣлать насъ скотами. Читая ваше сочиненїе великая приходитъ охота ползать на четверенькахъ. Но какъ уже прошло тому болѣе шестидесяти лѣтъ, что я потерялъ

терялъ къ тому привычку, то чувствую по несчастїю, что мнѣ уже невозможно паки къ ней приступить; и я оставляю сїе природное путешествїе тѣмъ, которые болѣе его достойны нежели вы и я. Ни также не могу я отправиться сыскивать Канадскихъ дикарей; во первыхъ потому что болѣзни, коими я отягощенъ, удерживаютъ меня при наивеличайшемъ въ Европѣ врачѣ. и что не нашелъ бы я подобныхъ вспоможенїй у Миссуровъ: во вторыхъ потому что война уже внесена и въ сїю землю, и примѣры нашихъ странъ содѣлали почти столькожъ дикарей злыми, каковы есть мы. А я довольствуюсь быть дикаремъ мирнымъ во уединенїи, которое избралъ я подлѣ вашего отечества, толико васъ желающаго.

Я согласуюсь съ вами, что словесныя науки и знанїя причиняли иногда много зла. *Тассовы* враги содѣлали изъ жизни его

цѣпь

цѣпь несчастій; а *Галилеевы* непріятели заставили его стенать въ темницахъ въ седмьдесятъ лѣтъ за то, что онъ зналъ о движеніи земли; и что всего стыднѣе, то принудили его отъ сего и отпереться. Вы знаете, какія препоны испытали ваши друзья, когда они зачинали сочиненіе, толикожъ полезное коль и пространное, Енциклопедіи, коему толико вы пособствовали.

Ежелибъ я смѣлъ себя считать между тѣми, коихъ труды имѣли награжденіемъ единое токмо гоненіе, то бы показалъ вамъ людей остервенившихся меня погубить, съ самого того дня какъ выдалъ я трагедію *Эдипа*; цѣлую библіотеку злословій противъ меня напечатанную; человѣка, получившаго отъ меня довольно извѣстныхъ одолженій, платящаго за мою услугу дватцатью ругательными сочиненіями; другаго, несравненно и того виновнѣйшаго, отдавшаго напечатать

чатать собственное мое сочиненіе о *вѣкѣ Людвига* XIV. съ примѣчаніями, въ которыхъ наигнуснѣйшее невѣжество изрыгаетъ наибезчестнѣйшія лжи: еще другаго, продающаго книгопродавцу нѣсколько главъ мнимой *Всеобщей исторіи* подъ моимъ именемъ, книгопродавцу довольно жадному напечатать сіе безобразное сплетеніе ошибокъ, ложныхъ времячисленій, дѣяній и именъ искаженныхъ; и напослѣдокъ людей довольно несправедливыхъ обвиняющихъ меня обнародованіемъ сея сумятицы. Я бы вамъ показалъ зараженное общество симъ новымъ родомъ людей, неизвѣстныхъ во всей древности, которые, не могши взяться за честное ремесло, за рукодѣліель, или за услуженіе, и умѣя по несчастію читать и писать, дѣлаются сводчиками въ письмоводствѣ, живутъ нашими сочиненіями, крадутъ рукописи, обезображиваютъ ихъ и продаютъ.

ютъ. Я бы могъ жаловаться, что лоскутки смѣхотворства сдѣланнаго, около тритцати лѣтъ тому назадь, на тотъ же самый случай, о которомъ *Шапелень* имѣлъ дурачество писать важнымъ образомъ, носятся теперь по свѣту по причинѣ невѣрности и корыстолюбія сихъ негодяевъ, которые примѣшали свои похабствы къ сей рѣзвости, наполнили пустоты ихъ съ толикою жъ глупостью коль и злобою, и которые напослѣдокъ по тритцати лѣтахъ продаютъ повсюду рукописями то, что принадлежитъ только имъ однимъ, и что только ихъ и достойно. Я бы прибавилъ, что наконецъ покрали у меня часть принадлежностей, кои собралъ я въ общенародныхъ письмохранилищахъ, служащихъ ко исторіи о войнѣ 1741 года, когда я былъ исторіографомъ Франціи, что продали книгопродавцу сей плодъ моего труда; что наперерывъ хватали

тали

тали мое добро, какъ будтобъ я уже умеръ, и что его обезображиваютъ, дабы пустить въ продажу съ молотка. Я бы вамъ описалъ неблагодарность, коварство и хищенїе преслѣдующїя меня съ сорокъ лѣтъ до подошвы Альповъ, и даже до края моего гроба. Но чтожъ бы я заключилъ изъ всѣхъ сихъ коловратностей? То что не долженъ я жаловаться, такъ какъ и *Попе*, *Декартъ*, *Баилъ*, *Камуенсъ*, и сто другихъ, испытавшихъ такїя же несправедливости и еще большїя; что сїя участь есть почти всѣхъ тѣхъ, которыхъ любовь къ писменамъ весьма много обольстила.

Признайтесь, дѣйствителъно, государь мой, что сїе суть тѣ малинькїя частныя бѣдушки, кои общество едва усматриваетъ. Какая нужда человѣческому роду, что нѣкоторые трутни выкрадываютъ медъ у нѣкоторыхъ пчелъ? Писатели дѣлаютъ великой шумъ о всѣхъ сихъ мѣлкихъ

ссорахъ;

ссорахъ; а остатокъ міра или не вѣдаетъ объ нихъ, или смѣется имъ.

Изъ всѣхъ огорченій разлитыхъ на человѣческую жизнь, сіи суть наименѣе всѣхъ досадны. Тернія прилѣпленныя къ письмоводству, и къ небольшой знати, ничто иное какъ цвѣты въ сравненіи съ другими горестями, кои завсегда наводняли землю. Признайтесь, что ни *Цицеронъ*, ни *Варронъ*, ни *Лукреціи*, ни *Виргиліи*, ни *Гораціи*, не имѣли ни малѣйшія участи въ прописаніяхъ. *Маріи* былъ невѣжда. Свирѣпый *Силла*, бражничествовавшій *Антоніи*, скудоумный *Лепидъ*, мало читали *Платона* и *Софокла*; а что надлежитъ до сего тирана безъ храбрости, *Октавія Цепія*, проименованнаго толь подло *Августомъ*, то былъ онъ гнуснымъ убійцею тогда только, когда былъ лишенъ сообщества упражняющихся въ писменахъ людей.

Признайтесь, что не *Петраркъ* и не *Бокацїй* производили Италїйскїя смятенїи. Признайтесь, что не рѣзвость *Маротопа* произвела *Сп. Бертголда*, и что не трагедїя *Цидъ* причинила мятежи праща. Великїя беззаконїи чаще были совершаемы знаменитыми невѣждами. То что дѣлаетъ, и будетъ дѣлать завсегда изъ сего мїра юдоль плачевную, есть ненасытимое похотѣнїе, и неукротимая гордость человѣковъ, взявъ отъ самаго *Тахмасъ Кулы-Хана*, который не умѣлъ читать, даже до таможеннаго сборщика, который толко что и знаетъ ставить цыфры. Писмена питаютъ душу, исправляютъ ее, утѣшаютъ; онѣ вамъ служатъ, государь мой, и въ то самое время, когда вы противъ нихъ пишите; вы такъ какъ Ахиллъ, который разгорячается противу славы, и какъ отецъ *Маллебраншъ*, коего бли-

статепльное воображенїе писало противу воображенїя.

Естьли кто долженъ жаловаться на писмена, такъ ето я, потому что во всѣ времена, и во всѣхъ мѣстахъ, онѣ способствовали къ моему гоненїю. Но однакожъ должно ихъ любить не взирая на злоупотребленїе, каковое дѣлаютъ изъ оныхъ, такъ какъ должно любить сообщество, коего толико злыхъ людей развращаютъ прїятности; такъ какъ должно любить свое отечество, какїя несправедливости отъ онаго ни испытываются.

КОНЕЦЪ.

